

ОСОБЕННОСТИ НЕРАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ: ЕСЛИ У ИНФОРМАНТА ДИАГНОЗ «ДЕМЕНЦИЯ»

Константин Галкин

Константин Галкин, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес для переписки: Социологический институт РАН, 7-я Красноармейская ул., 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. kgalkin1989@mail.ru.

Посвящается памяти моей родственницы Лидии Александровны Цицоры.

В заметках представлен анализ интервью и истории информантки с диагнозом «деменция». Основное внимание уделено особенностям работы социолога с подобным материалом, который, в отличие от большинства интервью, иррационален, полон смысловых сбоев и противоречий. Привычные методы социологической интерпретации оказываются неэффективны в таких случаях, и исследователю необходимо принципиально иной подход к восприятию и анализу материала, чтобы прорваться сквозь необычные размышления и временные коллизии и приблизиться к пониманию информанта. На материале, собранном в рамках стипендиальной программы Oxford Russia Fellowship в сельском интернате одного из регионов России, рассматриваются особенности процесса интервьюирования и анализа интервью с информанткой, имеющей диагноз «деменция». Автор размышляет о том, как вести себя исследователю в поисках «смысловых намеков» – соединительных мостиков между прошлым и настоящим в нарративе.

Ключевые слова: пожилые люди; деменция; интервью с пожилыми людьми; нарративные истории

В социологической традиции принято рассматривать нарратив, полученный в интервью, как результат беседы рационально мыслящих собеседников. Вся методология интервью базируется на том, что исследователь доверяет информанту и не подвергает сомнению правдивость его/ее слов (Denzin 2001; Denzin and Lincoln 2008; Flick, von Kardorff, and Steinke 2004). Сбои в логике рассказа могут привлекать внимание интервьюера как нюансы и интересные сюжеты, достойные углубленного анализа именно потому, что они сравнительно редки. В обычной практике исследователь имеет дело с нарративами, которые удовлетворяют конвенциональным представлениям о рациональном мышлении и подлежат анализу с применением обычных соци-

ологических методов. Но как быть в том случае, если эти максимы качественного интервью не работают? Как исследователю позиционировать себя при выстраивании отношений с информантом, если не гарантировано полное ответственное понимание вопросов и самой ситуации интервью? Когда я начал работать с такими интервью, у меня возникали вопросы относительно того, насколько равноправным может чувствовать себя исследователь в подобных случаях? Как он может позиционировать себя в ситуации подобного интервью, и какая позиция этична? В таких ситуациях испытываешь замешательство, трудности возникают как в понимании самого процесса интервью, так и в выстраивании стратегии работы с информантами.

Речь идет о практике интервьюирования людей с диагнозом «деменция», когда отличия их мышления и сознания от того, что принято считать нормой, имеют медицинское подтверждение (Steeman et al. 2006). В таких интервью поведение информанта и реакция на вопросы интервьюера могут быть непредсказуемыми или необычными. Кроме того, такие интервью могут содержать нестандартное представление о времени, разного рода коллизии, связанные с этим представлением, сам процесс беседы и работы интервьюера также может иметь ряд специфических особенностей. Смысловые сбои и временные коллизии, неожиданно возникающие истории из прошлого, проецируемые на настоящее, – это не нюансы нарратива, а сам нарратив. Как быть исследователю, если привычный принцип доверия информанту и рациональная основа интервью исчезают?

В этом тексте я рассматриваю особенности такого интервью, размышляю о том, какие привычные каноны интервьюирования при этом нарушаются, какие вопросы, сомнения и вызовы возникают в процессе такой беседы. В саму идею проведения интервью с информантами, имеющими подобные особенности, будто заложена мина замедленного действия. Вполне правомерны вопросы о том, какой возможен диалог, может ли он рассматриваться как социологическое интервью, ведь это, скорее, просто терапевтическая беседа с элементами психологических советов и способов поддержки собеседника. С этим трудно не согласиться. Однако можно привести аргумент в поддержку социологической значимости подобного интервью: руководствуясь предубеждениями, не объективируем ли мы пациента сверх наших компетенций, не пытаемся ли определить рамки его/ее возможностей и навязать свою сциентистскую точку зрения, не отступаем ли мы от разделяемых и так горячо любимых канонической профессии, а именно от идеи, что нет ничего очевидного и лежащего на поверхности? На первый взгляд интервью с пожилым человеком с деменцией – это почти придуманная история, сфальсифицированные данные, не имеющие под собой никаких оснований. Но это только на первый взгляд. И, возможно, иногда именно ожидание рациональности и попытка навязать эту рациональность информанту может сказаться на достоверности данных. Психологи, работающие с людьми с деменцией, сегодня используют ценностно-ориентированные практики (*values-based practice – VBP*), которые нацелены на осмысление того, что мы делаем сами и почему мы это делаем именно так (Hughes and Williamson 2019; Kontos et al. 2011; Zeilig et al. 2019).

Подход VBP – это психологическая методика, которая представляет собой попытку психолога понять человека с деменцией, понять особенности его мышления, ценностей или смыслов, которые он/она вкладывает в те или иные речевые оборо-

ты. При этом деменция понимается как заболевание, и одной из особенностей этого заболевания выступают провалы в памяти, которые отражаются в речи. Человек, заболевший деменцией, может забывать события, которые случились недавно, но при этом помнить те события, которые произошли давно (Vozoki et al. 2001). При таком подходе важной становится ориентация на индивидуальные переживания и ценности пожилого человека, особенности в понимании его/ее ценностей и идентичности, конструируемой в диалоге (Steeman et al. 2006; Zeilig 2014).

Материалы исследования были собраны в ходе проекта «Старение населения: среда vs. сообщество» в рамках стипендиальной программы Oxford Russia Fellowship. Исследование проводилось с ноября 2019 года по март 2020 года. Всего было собрано 40 интервью с пожилыми людьми, живущими самостоятельно и отдельно у себя дома или в специальных интернатах. Все персональные данные в интервью изменены. Во избежание нарушения анонимности информантов в статье не назван регион, в котором проводилось исследование. В основе настоящего эссе интервью с подопечной частного интерната – назовем ее Ляйсан. На момент проведения исследования ей было 95 лет, она родилась в 1925 году. Ляйсан проживает в частном интернате в четырехместной палате. Среди соседок Ляйсан есть люди с деменцией и без. Во время интервью Ляйсан была одна в комнате. Важную роль в понимании интервью сыграла санитарка, выполняющая роль администратора интерната, которая на протяжении нескольких лет наблюдает за Ляйсан и регулярно общается с ней – назовем ее Светлана. Светлана выступила в качестве своеобразного ассистента в интервью: помогла дополнить собранные материалы данными о биографии Ляйсан и ее жизни в интернате.

При попытке анализа интервью с пожилым человеком с деменцией интерес в первую очередь представляют его/ее самопрезентация и самопонимание как возможные вехи в интерпретации этого материала. В фокусе настоящего исследования – избранные фрагменты интервью, которые рассматриваются здесь как таковые (в исконном виде), без учета возможных сюжетов и интерпретаций.

Материал, который анализируется в данном эссе, есть тот случай, когда не существует единой концепции анализа и каких-либо аналитических схем, а вся идея заключается в том, что исследователь через детальное изучение ситуации и рефлексии пытается осмыслить и наметить сюжеты, которые возникают в процессе полевой работы. Этот текст посвящен попытке проблематизировать особенности интервьюирования людей, имеющих диагноз «деменция», и нащупать способы анализа таких интервью.

Работа исследователя при попытках анализа нестандартного интервью заключается в том, чтобы выйти за рамки содержания и рационального смысла и увидеть возможный смысл в контринтуитивных конструкциях, где, на первый взгляд, смысла быть не может (Kvale 1996). Такая методология требует рефлексии над каждой незначительной деталью, изучения особенностей голоса, взаимодействий с предметами и особенностей нарратива информанта в определенный отрезок интервью.

При анализе нарратива Ляйсан я полагался на методологию анализа интервью, предложенную Габриель Розенталь, которая заключается в изучении механизмов выбора рассказов и историй информантом и связи их с общей тематической на-

правленностью интервью (Rosenthal 1993). Суть ее в том, чтобы реконструировать структуру интерпретации жизни информанта. Подобная структура может выходить за рамки времени или намерений рассказчика и может быть «скрыта» за различными временными коллизиями. Чтобы распознать эту структуру, необходимо реконструировать как «историю жизни» (life history) информанта – то есть хронологическую последовательность опыта, – так и «личную историю» (life story), которая придает переживанию настоящий смысл (Rosenthal 1993:61).

Первый шаг при анализе подобных нарративов заключается в том, чтобы построить действительную (настоящую) сеть событий, отражающих опыт повседневности. На этом этапе исследователь получает «экстракт», то есть объективные и независимые данные, которые отделены от интерпретаций информанта. Эти данные представлены в описании биографии Ляйсан, которые и создают историю жизни информантки и дополнены рассказами о Ляйсан Светланы и замечаниями других санитарок интерната, которых назовем здесь Марина и Ксения.

Дальнейший шаг заключается в изучении того, как развивалась личная история Ляйсан. На этом этапе анализируется глубинное основание того, как информантка рассказывала свою историю. Особенностью нарратива Ляйсан является отсылки к опыту, полученному в разные моменты ее жизни. Ляйсан проецирует воспоминания на ткань настоящего, говоря о жизненных перипетиях, которые происходили с ней в прошлом. Исследователь обнаруживает особенности интерпретации личной истории информантки, определенные скрытые компоненты нарратива, которые постоянно повторяются. Повторения эпизодов и событий, сходства в манере повествования и эмоциональных реакций при рассказе о разных моментах жизни – все это создает для исследователя своеобразные мостики, которые позволяют предполагать связь между настоящим и прошедшим. Я назвал такие пересечения смысловыми намеками, помогающими исследователю замечать значимые моменты в нарративе.

Следующий этап – исследовательская рефлексия. Здесь происходит перечитывание нарратива, осуществляется анализ и поиск ответов на вопросы: как сочетаются история жизни и личная история информанта? Какой смысл события прошлого могут иметь для понимания настоящего информанта? Как фрагменты описания прошлого связаны с другими частями нарратива? В чем суть повторов и смысловых рифм, звучащих в рассказах о разных моментах жизни информанта? Этот этап позволяет нащупать связи между событиями из прошлого информанта и событиями настоящего и повседневной жизни.

Методология анализа такого интервью отличается от обычной тем, что хронология нарратива неочевидна. Стандартный нарратив интервью ориентирован на настоящее. Розенталь предлагает такой способ анализа нарратива, в котором пересекается настоящее и прошлое, путем поиска в нарративе совпадений и сочетаний личной истории с повседневностью и историей жизни информанта (Rosenthal 1993). В интервью с дементным больным/больной нарратив может быть обращен в прошлое или прошлое и настоящее могут пересекаться и путаться. Выстраивание хронологии событий в таком интервью обусловлено исследовательской рефлексией нарратива. В задачи исследователя входит поиск максимального числа «смысло-

вых намеков»; с их помощью реконструируется настоящее, которое может быть проявлено через прошлое и скрыто за личной историей информанта/информантки.

В основе аналитического процесса лежит понимание того, как сама информантка описывает ситуации из своей жизни, какие особенности и языковые конструкции использует при этом и на что обращает внимание, как выбирает повествование в настоящем или прошедшем времени (Hulko 2009; O'Connor, Phinney, and Hulko 2010; Rosenthal 1993; Widdicombe 1993). Перед тем как начать анализировать беседу и рассказывать о ее особенностях, необходимо привести некоторые биографические сведения о Ляйсан, которыми она сама поделилась и которые были дополнены пояснениями Светланы, Марины и Ксении. Муж Ляйсан умер пять лет назад: «Осколком немцы убили, и тело закопали в лесу», – так, всхлипывая, Ляйсан рассказывает историю своего мужа и потом приговаривает: «Ненавижу эту войну» (Светлана пояснила нам позже, что муж умер от инфаркта).

Ляйсан говорит тихо. На предложение поговорить женщина сразу отреагировала позитивно. После первого знакомства информантка очень внимательно и при этом заинтересованно выслушала рассказ исследователя о себе и о том, чем он занимается здесь, работая в поле. Затем Ляйсан поведала о своей жизни:

Я живу здесь уже давно, скоро будет второй год, как я здесь. Как попала сюда в эвакуацию, так и живу здесь, страдаю, потому что время такое, совсем неприятное, война, и мои родители на фронте, а я здесь хожу в школу, учусь тоже здесь. Но только мечтаю, знаете, отсюда по ночам побыстрее сбежать, потому что я думаю, что этот дом здесь, в деревне, кулаки когда-то построили, и вот теперь они сюда нас упрятали, вроде как и в эвакуацию, но потом все-таки они, думаю, нас сдадут немцам, потому что все эти кулаки – это немецкие прислужники вообще-то. Поэтому я вот этого, так сказать, очень сильно боюсь и считаю, что нужно уходить отсюда, и побыстрее, но, правда, надо сказать, сам глава этого дома по ночам приезжает, и он в итоге в общем-то здесь нас всех в ежовых рукавицах держит, вообще готов со света и сжить (из интервью с Ляйсан).

Этот фрагмент интересен тем, что информантка, объясняя особенности окружающего ее мира и своей жизни, создает две оси понимания трудностей, одна из которых обращена к прошлому, а вторая, наоборот, уходит в настоящее. Одна ось, условно называемая «военной», отсылает нас к опыту жизни Ляйсан в эвакуации и к потере на фронте отца. «Военная» ось связана с различными персонажами и жизненными коллизиями из юности Ляйсан времен войны и обусловлена переживаниями и чувствами по поводу тех событий.

Марина и Ксения, которые работают посменно по очереди со Светланой, рассказали, что Ляйсан пришлось непросто, когда ее брат ушел на фронт и она осталась одна на жить на хуторе. Стоит сказать, что Марина и Ксения, с которыми я разговаривал о жизни Ляйсан, вначале не понимали сути ее историй и, как они сами говорили, «злились» на подопечную за то, что она путает время, но потом им удалось, как они отмечали, выработать универсальное средство работы с Ляйсан, а именно – слушать ее истории, и, как они сформулировали сами, «изображать внимательность».

Позже Ляйсан была выслана в переселенческий лагерь в город регионального значения и жила там вместе с матерью до 1943 года. Потом мать умерла от дизентерии, а Ляйсан была эвакуирована в один из крупных городов Советского Союза. Там случилась трагическая для Ляйсан история, о которой исследователю рассказала Светлана. Светлана знает об этом эпизоде, поскольку сама Ляйсан рассказывала ей о нем еще тогда, когда «деменция не стала совсем прогрессирующей» – именно так болезнь Ляйсан описывала Светлана. Речь идет о том, что Ляйсан изнасиловал «один из руководителей эвакуации, военный» (так передает слова Ляйсан Светлана). Временная ось связана с различными персонажами из прошлого Ляйсан и обусловлена ее чувствами, наиболее значимыми из которых выступает, по-видимому, «ненависть к войне», «попытка сбежать», «ненависть к кулакам, которые, возможно, сотрудничают с немцами», опыт насилия. Эта ненависть, скорее всего, в большей степени связана с переживанием травматичного опыта и трудностей военных лет. Вторая ось, которая присутствует в представленном фрагменте интервью, – это ось настоящего, она оформлена похожими чувствами и в интервью воспроизводится с теми же героями. Это больше всего напоминает роман, который пишут о прошлом, но герои сильно похожи на героев нынешних или списаны с знакомых писателю людей. Так, Ляйсан, рассказывая о «владельце дома», не раз подчеркивает, что он приезжает поздно. Директор интерната, в котором она живет, очень часто уезжает по делам в город и возвращается поздно вечером, что мне приходилось неоднократно наблюдать в процессе исследования. В интервью Ляйсан подчеркивает, что «ее сюда отдали насильно», и это перекликается с желанием информантки вернуться домой, о котором осведомлена и Светлана. Например, в одной из бесед она говорила о том, что Ляйсан не раз в разговоре описывала свое желание вновь приехать в семью, вернуться к родным и «часто очень тяготилась жизнью здесь, в интернате, до того, как наступила глубокая деменция» – так рассказала мне в беседе Светлана. Материал, который анализируется, не позволяет делать однозначные выводы. Мы можем лишь догадываться о том, что Ляйсан совмещает в своем нарративе прошлое и настоящее, и «клеем», который соединяет одно с другим в ее сознании, оказывается сложная система страданий, негативных переживаний, принуждений. Наиболее ярко очерчены в интервью персонажи, причинявшие боль, порождавшие несправедливость и насилие. События перемешаны, доминируют события прошлого, однако есть признаки проекции на настоящее.

Другим интересным сюжетом в описании Ляйсан оси «военной» и ее проекции на ось «настоящего» выступает рассказ о школе. Тема войны крайне важна для Ляйсан, она соединяет эти события со своей жизнью и в некотором роде определяет это как некую идентичность, связанную с переживаниями событий, которые принесла война. Так, в интервью Ляйсан часто называет себя «ребенком войны»: «Я – человек этой проклятой войны, и мне ничего больше не досталось, кроме как видеть эту войну и видеть ее вживую». При этом переживания тягот войны для Ляйсан связаны именно с местом, и чувство места здесь играет огромную роль: интернат понимается как место эвакуации, место чужое, не свое, в то время как прежний дом и жизнь в семье описываются с особой интонацией – Ляйсан здесь смягчает голос, начинает говорить чуть медленнее и старается описать жизнь в прежнем доме до мельчайших подробностей:

Все помню, раньше там было... Вот все помню [*улыбается*]: и сад просторный помню, и яблоки вкусные, и все были вместе, и это было прекрасно, а теперь все стало по-другому... И теперь вот война эта проклятая все от меня отняла [*вздыхает*] (из интервью с Ляйсан).

Для исследователя подобные описания выглядят как некие временные коллизии, и если применять привычные рациональные схемы интерпретации интервью, то получается, что информантка постоянно искажает время и постоянно пытается встроить прошлое в настоящее. Но можно ли называть эти схемы временными коллизиями? Чтобы это понять, по-видимому, стоит отвлечься от данного названия и сменить фокус: рассмотреть то, как Ляйсан выстраивает ключевые события в жизни и почему для информантки отсутствует настоящее время.

Анализ приведенной выше истории позволяет заключить, что все «тягости войны», как говорит о них информантка, связаны друг с другом и при этом встроены в настоящее, в переживание трудностей сегодняшнего пребывания в интернате, особенностей жизни здесь и взаимодействий с персоналом, специфики заботы в интернате и ухода его сотрудников за Ляйсан. Сюжеты, о которых говорит Ляйсан, отличны от обычного конвенционального интервью: они представляют собой мозаику, каждый элемент которой, взятый по отдельности и оторванный от контекста, непонятен. Однако будучи встроенными в общий контекст картины, а именно в повседневную жизнь информантки и взаимодействия с персоналом интерната, такие фрагменты наполняются смыслами, личная история соединяется с историей жизни и дополняется сюжетами из повседневности и особенностями подобной повседневности. В этом и заключается специфика особенностей работы социолога с таким нарративом. Рациональный исследователь живет в настоящем и считает по умолчанию, что оно главное. Ляйсан не может рефлексировать настоящее рационально. Главное для нее – прошлое, его она видит отчетливо, вместе с теми чувствами и эмоциями, которые оно вызывало и вызывает. Ляйсан вписывает настоящее в прошлое, а не наоборот. С медицинской и психологической точек зрения такие временные коллизии представляют собой провалы в памяти, но с точки зрения исследователя, который отступил от рациональности в попытках интерпретировать нарратив, эти коллизии могут быть основой понимания того, как настоящее пробивается сквозь обрывочные и фрагментарные воспоминания о прошлом.

ДИСКУССИЯ

История неконвенционального интервью с Ляйсан – это несомненный вызов для социолога. Найти рациональное в нерациональном, доверять нерациональному, потому что оно важно для понимания особенностей повседневности информантки, и, наконец, углубляться в смыслы нарратива и не подвергаться соблазну – во всяком случае при первом чтении текста интервью – применять интерпретативные и рациональные модели.

Если вернуться к исходному вопросу настоящего текста о том, как социологу работать с такого рода интервью и как анализировать подобный материал, напрашивается краткий и между тем содержательный ответ: каждый материал интервью уникален, но подобный материал интервью с человеком, имеющим диагноз «деменция», уникален вдвойне. Чрезвычайно важно глубже изучать его детали. При работе с интервью наступает понимание того, что каждая история и так называемая временная коллизия увязаны с другой историей в нарративе. Подобное интервью – это всегда связанные события и «смысловые намеки», которые могут быть отражены в нерациональном описании событий прошлого, но при этом будут содержать в себе особенности переживания одиночества, повседневной жизни в интернате и разлуки с родственниками. То есть подобное интервью не может быть изолированным: оно встроено в пространство и отношения взаимодействия и коммуникации информанта с окружающим миром, в данном случае – с миром и персоналом интерната. В этом и заключается методика, которая предложена в эссе: попытаться связать рассказанную личную историю информанта с историей жизни и повседневностью и увидеть пересечения, смыслы и особенности актуальной повседневной жизни через истории о прошлом.

История Ляйсан наглядно демонстрирует подобные пересечения и временные коллизии, которые вместе создают сложную историю, связанную с эмоциональными переживаниями прошлого и настоящего, особенностями переживания одиночества и того, как Ляйсан сама преодолевает подобные состояния.

О мощном эмоциональном фоне нарратива следует сказать отдельно. Эмоции, которые присутствуют в самом повествовании, исследователю важны для понимания того, как информант – дементный больной – характеризует те или иные события, как относится к ним. В отличие от обычных интервью, где эмоции показывают реакцию информанта на события его жизни и восприятие подобных событий, в данном случае роль эмоций важна для того, чтобы определить, как эмоции прошлого проецируются на настоящее и что общего у эмоций прошлого и настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bozoki, Andrea, Bruno Giordani, Judith L. Heidebrink, Stanley Berent, and Norman L. Foster. 2001. "Mild Cognitive Impairments Predict Dementia in Nondemented Elderly Patients with Memory Loss." *Archives of Neurology* 58(3):411–416.
- Denzin, Norman K. 2001. *Interpretive Interactionism*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Denzin, Norman K., and Yvonna S. Lincoln, eds. 2008. *The Landscape of Qualitative Research*. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Flick, Uwe, Ernst von Kardorff, and Ines Steinke. 2004. "What Is Qualitative Research? An Introduction to the Field." Pp. 3–11 in *A Companion to Qualitative Research*, ed. by Uwe Flick, Ernst von Kardorff, and Ines Steinke. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Hughes, Julian C., and Toby Williamson. 2019. *The Dementia Manifesto: Putting Values-Based Practice to Work*. London: Cambridge University Press.
- Hulko, Wendy. 2009. "From 'Not a Big Deal' to 'Hellish': Experiences of Older People with Dementia." *Journal of Aging Studies* 23(3):131–144.
- Kontos, Pia C., Karen-Lee Miller, Gail J. Mitchell, and Cheryl A. Cott. 2011. "Dementia Care at the Intersection of Regulation and Reflexivity: A Critical Realist Perspective." *The Journals of Gerontology: Series B* 66B(1):119–128. doi:10.1093/geronb/gbq022.

- Kvale, Steinar. 1996. *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. 1st ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- O'Connor, Deborah, Alison Phinney, and Wendy Hulko. 2010. "Dementia at the Intersections: A Unique Case Study Exploring Social Location." *Journal of Aging Studies* 24(1):30–39.
- Rosenthal, Gabriele. 1993. "Reconstruction of Life Stories: Principles of Selection in Generating Stories for Narrative Biographical Interviews." *The Narrative Study of Lives* 1(1):59–91.
- Steeman, Els, Bernadette Dierckx de Casterlé, Jan Godderis, and Mieke Grypdonck. 2006. "Living with Early Stage Dementia: A Review of Qualitative Studies." *Journal of Advanced Nursing* 54(6):722–738.
- Widdicombe, Sue. 1993. "Autobiography and Change: Rhetoric and Authenticity of 'Gothic Style.'" *Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action* 29(3):94–113.
- Zeilig, Hannah. 2014. "Dementia as a Cultural Metaphor." *The Gerontologist* 54(2):258–267. doi:10.1093/geront/gns203.
- Zeilig, Hannah, Victoria Tischler, Millie van der Byl Williams, Julian West, and Sarah Strohmaier. 2019. "Co-Creativity, Well-Being and Agency: A Case Study Analysis of a Co-Creative Arts Group for People with Dementia." *Journal of Aging Studies* 49:16–24. doi:10.1016/j.jaging.2019.03.002.

FEATURES OF AN "IRRATIONAL" SOCIOLOGICAL INTERVIEW: IF THE INFORMANT IS DIAGNOSED WITH DEMENTIA

Konstantin Galkin

Konstantin Galkin, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Address for correspondence: Sociological Institute RAS, 7-ia Krasnoarmeiskaia ul., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia. kgalkin1989@mail.ru.

To my grandmother Lidiia Aleksandrovna Tsitsiura

The essay presents an analysis of the interviews and life history of an informant diagnosed with dementia. Special attention is paid to the peculiarities of the sociologist's work with such material, which, unlike most interviews, is "irrational," full of semantic failures and contradictions. The usual methods of sociological analysis and interpretation are powerless in such cases, and the researcher needs a fundamentally different approach to the material in order to break through unusual reflections and time collisions and to get closer to understanding the informant. This essay is based on the material collected in the framework of the Oxford Russia Fellowship program in a rural nursing home in one of the regions of Russia and examines peculiarities of conducting and analyzing interviews with an informant diagnosed with dementia. Furthermore, the author reflects on what the researcher ought to do to find "semantic hints"—connecting bridges between the past and present in the informant's narrative.

Keywords: Elderly People; Dementia; Interviews with Older People; Narrative Stories